

—

XV.

Когда слова Гу Сьюаня затихли, на площади воцарилась мертвая тишина. Долгое время никто не решался заговорить. Представители крупнейших фракций побледнели, их лица исказились в гримасах нескрываемого бешенства.

— Абсурд! — кричало всё в их душах, полных ярости и смятения.

Но, глядя на ледяное, бесстрастное лицо Гу Сьюаня, они не находили слов для возражения. Ведь в самом начале именно они задали этот высокий тон бескорыстия и благородства. Оспорить его предложение сейчас означало бы публично дать себе пощечину. Это было бы равносильно признанию: «Да, у нас есть корыстный интерес, и всё это затеяно только ради трона».

А если признать это, как потом продолжать выкрикивать громкие лозунги и с чистой совестью бороться за печать?

Взоры, устремленные на Гу Сьюаня со всех сторон, были полны предельной сложности. Тан Шэн, сидевший совсем рядом, давно смертельно побледнел. Его руки, висевшие вдоль туловища, сжались в кулаки и мелко дрожали.

«Этот проклятый подонок... Он специально пришел сюда, чтобы устроить беспорядок и намеренно загнать меня в угол!»

Сяо Ханьсинь же раскаивалась до глубины души. Ей вообще не стоило провоцировать этого человека. Какая разница, какую мелодию он играет и как он сумел противостоять её «Духовному взору»? Если бы она стерпела один раз, что бы произошло?

Что же делать теперь?

В этот миг, словно по молчаливому сговору, в умах всех присутствующих родилась одна общая мысль: если бы только можно было повернуть время вспять! Тогда они ни за что не дали бы этому человеку открыть рот. Такого смутьяна следовало сбросить с горы в ту же секунду, как он начал говорить, а еще лучше — прибить на месте...

Озаренные этой мыслью, некоторые воспрянули духом. В следующее мгновение один из присутствующих вскочил и, указывая пальцем на Гу Сьюаня и сидящих рядом с ним представителей клана Сун, взревел:

— Что ты вообще задумал, неся здесь этот бред?! Не иначе как тебя подкупил тот никчемный тиран, чтобы ты сегодня специально явился на Собрание по избранию Правителя и сорвал его!

— Верно! Как можно менять правила предков по первой прихоти? Это оскорбление и для почтенных героев, и для самой Святыни!

— Раз этот парень пришел сюда лишь сеять смуту, вышвырните его вон, и мы продолжим наше собрание!

— Да! Гнать его в шею!

...

Столкнувшись с этой лавиной гнева и давления, Гу Сыюань даже не вздрогнул. Напротив, он слегка влил внутреннюю силу в свой голос, так что его слова разнеслись по каждому уголку площади:

— Неужели вы так разволновались из-за нечистой совести? Неужели это гнев от осознания собственного бессилия? Если ваши собственные помыслы низки и вы не способны на благородство, неужели вы думаете, что и другие на него не способны?

С этими словами он резко повернулся к Тан Шэну:

— Взять хотя бы брата Тана. Армия семьи У, к которой он принадлежит, славится своей добродетелью и милосердием. А сам брат Тан только что дал слово благородного мужа, заявив, что всем сердцем стремится лишь к спасению народа, и в его душе нет ни тени жажды власти.

— Я... — Тан Шэн на мгновение лишился дара речи. Он в ярости уставился на Гу Сыюаню. Разве он мог сейчас открыто отречься от своих слов?

В следующий миг Гу Сыюань уже снова повернулся к Сяо Ханьсинь:

— Раз другие фракции не желают соблюдать правила Святыни и полны корысти, и только брат Тан по-настоящему бескорыстен и является тем самым мудрым правителем, которого ищет Святыня — чего же вы ждете, дева Ханьсинь? Почему бы не вручить Императорскую печать брату Тану прямо сейчас?

— Брат Тан и так прославлен как один из «Двух драконов Цзяндуна». Если он поднимет знамя, держа в руках Императорскую печать, разве не все в пределах четырех морей последуют за ним? Совсем скоро брат Тан во главе армии праведников покорит Поднебесную, положит конец смуте и вернет миру покой и благоденствие!

Взгляд Сяо Ханьсинь стал неопределенным. Вообще-то, именно это Дворец Тяньвай и планировал. Но когда это было озвучено устами этого «злосчастливого гостя», ситуация приобрела крайне странный оборот, особенно в такой обстановке. Этот парень явно пытался применить стратагему «осадить Вэй, чтобы спасти Чжао» — загрести жар чужими руками.

Но она не могла ответить категоричным отказом, ведь печать и впрямь должна была достаться Тан Шэну. Сяо Ханьсинь облизала губы и медленно произнесла:

— О чем вы говорите, молодой господин? Молодой генерал Тан действительно выдающийся герой, и передача ему печати вполне допустима, однако нужно, чтобы присутствующие герои...

Однако в этот момент Тан Шэн замер, словно громом пораженный. В его сознании, неведомо почему, всплыла картина, описанная Гу Сыюанем. Какая это была величественная сцена! «Принял мандат Неба, да живет он долго и вечно». Кто бы смог устоять перед этими словами?

Заметив его остекленевший взгляд, Сяо Ханьсинь нахмурилась и тихо окликнула:

— Тан Шэн...

И тут из рядов армии У внезапно поднялся Ян Тай, который до этого хранил молчание. Его лицо выражало непоколебимую решимость:

— Брат Гу говорит дело! Раз у всех вас на уме лишь корысть и вы не желаете чтить правила Дворца Тяньвай, то что мешает нашей армии У забрать Императорскую печать себе?

Тан Шэн очнулся от своих грез и в шоке уставился на Ян Тая. Этот парень что, белены объелся? Они же вечно были на ножах! Или он думает, что когда Тан Шэн получит печать, он вернется в армию У и поделится властью, и решил подмазаться?

У Маньэр хоть и не смыслила в делах государственных, знала одно: армия У пришла в Цзянчэн ради двух целей — встречи со школой Пили и обретения печати. Печать была даже важнее: она означала легитимность и высшую справедливость, что позволило бы привлечь под свои знамена еще больше людей. И если её брат Тан получит её сейчас — это просто чудесно!

Она тоже вскочила и с сияющей улыбкой добавила:

— Верно! Раз вы все лицемеры и не соответствуете требованиям к мудрому правителю, то сегодня Императорская печать по праву принадлежит нашей армии У и моему брату Тану!

Присутствующие были настолько потрясены этим внезапным поворотом, что лишь ошеломленно переглядывались. Что это за цирк? Это было просто смехотворно! Пока они тут из кожи вон лезли, пытаясь выгнать этого выскочку Гу, армия У решила без зазрения совести воспользоваться моментом и заграбастать всё себе.

В этот момент Лэй Янь, повинувшись знаку Чу Юаня, тоже поднялся и громко расхохотался:

— Отлично сказано! Брат Тан, наша школа Пили в тебе не ошиблась! Пусть сегодня Императорская печать достанется армии У и Тан Шэну! А все прочие хлопоты школа Пили возьмет на себя. Мы привели сюда людей именно для того, чтобы гарантировать посланникам армии У безопасность на пути из гор Сюаньцин и из самого Цзянчэня!

После этих слов атмосфера мгновенно изменилась. В воздухе отчетливо запахло угрозой и провокацией. Представители других фракций окончательно оскалили зубы.

— Какая-то жалкая школа Пили смеет делать такие громкие заявления? Мы, четыре великие школы, еще своего слова не сказали!

— Армия У просто смехотворна. Вы что, держите нас за слабаков? Решили в одиночку заграбастать печать? Ни за что!

— Советую вам вести себя смирно и не мечтать о печати, иначе неизвестно, кто сегодня не выйдет из гор Сюаньцин!

— Хе-хе... Молодежь нынче совсем не знает границ!

Тан Шэн, оказавшись лицом к лицу с этой лавиной ярости, изменился в лице. Он втайне винил Лэй Яня за излишнюю порывистость — ситуация грозила выйти из-под контроля. Сяо Ханьсинь тоже чувствовала, что дело принимает дурной оборот.

Но тут Ян Тай выхватил висевший на поясе длинный нож и, запрокинув голову, расхохотался:

— Считаем вас слабаками — и что с того? Что из этого выйдет, узнаем только в бою, так что кончайте тут козырять своим возрастом!

Тан Шэн в ужасе уставился на Ян Тая. Тот что, с ума сошел? Подливает масла в огонь?

В следующий миг Ян Тай хлопнул его по плечу и воскликнул:

— Брат, не беспокойся! Наша армия У стоит лагерем на южном берегу Янцзы, удерживая пять городов, включая Эчжоу. До Цзянчэня всего две сотни ли. Наш приемный отец знал, что дело с печатью миром не кончится, а потому еще до нашего приезда всё подготовил. Он тайно перебросил сюда несколько тысяч отборных бойцов. Сейчас подножие горы кишит нашими людьми! Мы взорвем и потопим все ваши корабли — посмотрим еще, кто сегодня не выйдет из этих гор!

Лэй Янь поспешил добавить:

— Точно! Брат Тан, не волнуйся! У нас есть поддержка в виде огнестрельного оружия школы Пили. Мы еще вчера заложили на горе Сюаньцин огромное количество пороха. Посмотрим, кто осмелится дернуться — по моему сигналу я просто отправлю их всех на небеса!

— ... — Тан Шэн.

«Вы столько всего подготовили...» У него возникло странное чувство, будто эти два недоумка, вечно тянувшие его на дно, внезапно превратились в гениев тактики.

Но услышав это, представители других фракций буквально обезумели. Перед приходом сюда они заключили между собой негласные пакты о ненападении. В конце концов, все они были людьми влиятельными и дорожили своими жизнями — никто не хотел идти на неоправданный риск. Но кто мог подумать, что армия У решится на такое безумие? Что они посмеют напасть на них всех сразу?

Чжао Тяньцзун, чья вражда с Тан Шэном была особенно острой, в ярости выкрикнул:

— Вы смеее так грубо попирае все законы мира? Не бойтеся, что все фракции объединятся, чтобы покарать вас?!

— Верно! Неужели армия У хочет стать врагом всей Поднебесной?!

— Хм! Нечего нас пугать! Вне зависимости от того, тронем мы вас сегодня или нет, как только печать окажется у нас, вы всё равно наброситесь на нас как комары на кровь. Раз так, к чему колебаться? — Ян Тай поднял кинжал и холодно усмехнулся.

— И кстати, скажу вам по секрету: на самом деле Императорская печать уже давно принадлежит армии У. Дева Ханьсинь уже давно поклялась моему брату Тану в верности до гроба. А это так называемое «Собрание по избранию Правителя» — лишь предлог, чтобы собрать вас всех, лидеров крупнейших сил, в одном месте и прихлопнуть одним махом! Ха-ха!

Эти слова прозвучали как гром среди ясного неба.

— Что?!

— Вы посмели заманить нас в ловушку?!

— Дворец Тяньвай опустился до такого?!

— Что это за Святыня такая? Сплошная грязь и пороки!

...

У Маньэр захлопала глазами, её лицо выражало крайнее потрясение.

«Брат Тан и эта дева Ханьсинь действительно состоят в *таких* отношениях?»

Сяо Ханьсинь и Тан Шэн обменялись взглядами; в их головах не осталось ни одной связной мысли. Они смотрели на Ян Тая так, словно перед ними был сам дьявол.

Откуда этот парень мог знать об их связи? Откуда ему было известно о тайном решении Дворца Тяньвай? И, наконец, зачем он намеренно выложил всё это перед толпой? И какая еще «расправа над всеми фракциями»? Что за чушь он несет?!

Оба почувствовали, что дело принимает катастрофический оборот, и уже открыли рты, чтобы всё опровергнуть.

Но в этот миг Ян Тай снова залился смехом, полным издевки:

— Ха-ха! Ну и ну, стадо идиотов! Поделом вам — послужите ковриком для ног нашей армии У и моего брата Тана!

— Ты ищешь смерти! — среди представителей других фракций первым не выдержал дюжий детина средних лет с буйным нравом. В ярости он рванулся в сторону Ян Тая.

Внезапно кто-то из людей школы Пили взмахнул маленьким желтым флажком.

В следующую секунду воздух прорезали два резких свиста: «Свист! Свист!». Два маленьких черных шарика промелькнули в воздухе, устремляясь прямо к нападавшему здоровяку.

Тот, опасаясь скрытого оружия, инстинктивно попытался уклониться. Однако в тот момент, когда черные бусины пролетали мимо него, раздался оглушительный «БА-БАХ!».

Эти шарики, казавшиеся крошечными и невзрачными, обладали чудовищной силой. Воздух вокруг дрогнул от взрывной волны. Здоровяка отшвырнуло на несколько чжанов назад. Его одежда превратилась в лохмотья, а тело представляло собой жуткое зрелище: месиво из крови и плоти, усеянное бесчисленными ранами, из которых фонтаном била кровь.

Товарищи бросились к нему на помощь, но его рука безжизненно повисла — он уже не дышал.

— Это «Громовые капли»!

— «Громовые капли» школы Пили!

— Эти из армии У и школы Пили и впрямь посмели убивать!

Эта внезапная смерть стала искрой, брошенной в пороховую бочку.

И тут же из ниоткуда раздался чей-то зычный рев:

— Армия У беспощадна! Мы не можем сидеть и ждать смерти! Все вместе — в атаку! Перебьем их и пробьемся с горы!

— Убить!

— Убить их!

Лица героев Поднебесной исказились от ярости. Позабыв о приличиях, они лавиной хлынули на людей армии У.

Теперь, как бы Тан Шэн и Сяо Ханьсинь ни пытались объяснить, было слишком поздно. Более того, самая лютая жажда крови была направлена именно на них двоих, и им ничего не оставалось, кроме как отбиваться изо всех сил, чтобы выжить. В этой мясорубке они невольно сразили еще несколько человек, и узел ненависти затянулся окончательно — пути назад больше не было.

Однако по мере того, как битва разгоралась, оба постепенно начали успокаиваться. Ян Тай и Лэй Янь не лгали, когда говорили о подготовке.

Едва началась общая свалка, как снизу на вершину горы хлынула почти тысяча отборных воинов в доспехах. И тут началось самое страшное. Главными жнецами смерти в этой бойне стали не врожденные мастера и не виртуозные техники, а эти самые солдаты, вооруженные повсеместными «Громовыми снарядами».

Это была новейшая разработка: их не нужно было выпускать из механизмов — достаточно было метнуть рукой, вложив внутреннюю силу, и они взрывались при малейшем контакте. По площади посыпался огненный дождь, от которого было невозможно укрыться. За считанные мгновения число погибших адептов боевых искусств и членов знатных семей перевалило за все мыслимые пределы.

Вся вершина горы Сюаньцин была усеяна трупами, а земля пропиталась кровью!

Один старый слуга, прикрывая своего господина, в отчаянии крикнул:

— Нам не сдержат их! Старый раб прикроет вас — прыгайте с обрыва! Молите небо о милости: если сумеете доплыть до того берега, будет шанс выжить!

После этих слов несколько богато одетых мужчин и юношей один за другим бросились в воды реки у подножия горы. Верные слуги, видя, что хозяева спаслись, облегченно вздохнули и приготовились к последнему бою.

Но тут снизу донеслись глухие раскаты взрывов, а над рекой поднялись огромные столбы воды — это явно работали подводные мины и пороховые заряды. Стало ясно: план армии У был безупречен. Подножие горы Сюаньцин было окружено со всех сторон. Те, кто прыгнул в воду, просто превратились в рыбу, добровольно заплывшую в сети.

Лидеры схвачены или убиты. Оставшиеся защитники на вершине дрогнули, и их оборона рассыпалась подобно карточному домику.

Прошло немало времени. Крики и звон стали постепенно стихали. Кто-то погиб, кто-то сдался.

Тан Шэн поднялся с земли, глядя на свои лохмотья, пропитанные кровью и обрывками чужой плоти, и криво усмехнулся. В конце концов, победа за ним. Ха-ха... Императорская печать принадлежит ему!

Он посмотрел в сторону Сяо Ханьсинь. Её белоснежные одежды стали грязно-пурпурными. Тан Шэн улыбнулся ей:

— Теперь нам никто не помешает.

Лицо Сяо Ханьсинь выражало смятение. Она не знала, радоваться такому исходу или ужасаться. Но сейчас она могла лишь через силу кивнуть, опираясь на меч:

— Хм.

В этот момент на вершине раздался негромкий звук. Это был звук шагов — кто-то шел по опавшей листве и сухим веткам, не стараясь ступать тихо. В наступившей тишине эти шаги отчетливо слышали все выжившие.

Тан Шэн поднял голову. Он увидел, как солдаты в доспехах внезапно и четко расступились, образуя проход. По этому коридору медленно шли несколько человек.

Его глаза расширились от изумления.

Гу Сьюань стоял у самого края горной тропы. Заложив руки за спину, он обвел взглядом побоище на вершине. Лицо его было мрачным.

Он негромко произнес:

— В следующий раз постарайтесь, чтобы трупов было поменьше.

— ...

Се Чэньюнь, вышедший из оцепенения, только и смог, что взглянуть на него. Даже Лэй Янь, который до смерти боялся Гу Сьюаня, не удержался от презрительного взгляда. «Весь этот кошмар случился лишь по твоей воле, а теперь ты строишь из себя милосердного праведника?» — читалось в его глазах.

Гу Сьюань проигнорировал их взгляды. Его голос зазвучал холодно и властно:

— Чего застыли? Всех, кто еще дышит — в кандалы. Трупам, что выглядят целыми — нанести контрольный удар!

— Есть! — прогремел слаженный ответ солдат.

— ... — Се Чэньюнь окончательно замолчал.

Посмотрите только на этого человека: только что он печалился о жертвах, а теперь отдает приказы, от которых кровь стынет в жилах. Оказывается, он знал о Гу Сьюане слишком мало.

Гу Сьюань прошел вперед на несколько шагов, словно проверяя результаты своего замысла и высматривая тех, кто мог притвориться мертвым.

Тан Шэн переводил взгляд с Гу Сьюаня на Се Чэньюня, затем на Лэй Яня и Ян Тая. Наконец, его взор замер на лице Гу Сьюаня.

— Это ты... Эти солдаты — твои люди? Лэй Янь тоже подчиняется тебе... — он перевел дыхание и уставился на Ян Тая. — И ты тоже?! Так значит, ты специально подливал масла в огонь? Нарочно стравливал нас со всеми фракциями?!

Ян Тай тонко улыбнулся:

— Наконец-то до тебя дошло.

Тан Шэн заскрежетал зубами. Он не понимал — почему? Ладно Лэй Янь, его могли схватить в павильоне Линской и запугать. Но Ян Тай всегда был человеком гордым и амбициозным, они вечно соревновались в армии У. Как он мог так легко подчиниться кому-то?

Более того, как только вести о сегодняшнем дне разлетятся, армия У станет врагом всего мира. Ян Тай — такой же наследник этой армии, как и он сам. Какой ему от этого прок? Если только... если только стоящий перед ним человек не предложил Ян Таю нечто куда более значительное.

Он вскинул голову и яростно уставился на Гу Сьюаня:

— Ты... Кто ты, черт возьми, такой?!

Се Чэньюнь лишь холодно усмехнулся. Гу Сьюань даже не удостоил его ответом. Зато Ян Тай шагнул вперед и отвесил обессиленному Тан Шэну тяжелый пинок, от которого тот повалился на землю.

Ян Тай выкрикнул:

— Перед тобой Император Великой Чжоу! Как ты, мятежник, смеешь проявлять такую дерзость?!

Тан Шэн вздрогнул всем телом.

Император Великой Чжоу?

Тот самый... Император?

Он впился взглядом в Гу Сьюаня, и его глаза едва не вылезли из орбит:

— Ты... Ты и есть тот никчемный тиран?!

Сяо Ханьсинь тоже замерла в неверующем оцепенении. Этот человек и есть император династии Великая Чжоу? Тот самый безрассудный тиран?

Ян Тай тут же отвесил ему еще один пинок:

— По-прежнему смеешь нести чушь! Мудрость и решительность Его Величества, его умение планировать и предвидеть — это то, что твоему скудоумию никогда не постичь!

— Хе-хе...

Тан Шэн внезапно зашелся хриплым смехом.

Верно. Если человек, который, не потеряв ни единого своего солдата, умудрился погубить ключевых фигур из большинства повстанческих армий и великих кланов, считается «никчемным тираном», то он и впрямь не знает, кого тогда называть умным.

Впрочем, стоило поблагодарить Ян Тая за те два удара — они отбросили его совсем близко к цели.

В следующее мгновение, собрав в кулак все остатки внутренней силы, он рванулся вперед, выбрасывая ладонь в сторону Гу Сьюаня. Схватить главаря, чтобы сделать императора заложником — это был его единственный путь к спасению.

—

<http://bllate.org/book/14483/1281667>